

представлен (у Ефросина и в Толковой Палее) двумя разными вариантами и имел все возможности обрести дальнейшую «продуктивную историю». Но в XVI в. отдельный вариант Китовраса исчез, как исчезли многочисленные другие беллетристические сюжеты. Дело было, по-видимому, не в имманентных свойствах той литературной среды, в которой развивались беллетристические памятники русского позднего средневековья, а в тех внешних, исторических условиях, которые воспрепятствовали развитию русской беллетристики в XVI в.

Мы уже говорили о том, что разгром еретических движений на Руси и резкая антипротестантская и антигуманистическая позиция господствующих классов Русского государства в XVI в. помогают понять судьбы русской литературы этого периода. Враги реформационных движений постоянно выступали против светской литературы, видя в ней не только бесполезное, но и положительно вредное явление.¹¹⁷ «Да будет ти горко, неполезных повестей послушание, сотове же медвянии — святых мужь повести и божественных писаний прочитание», — писал Иосиф Волоцкий. Ту же направленность (вопреки традиционному, но никак не аргументированному мнению) имели и известные слова Нила Сорского: «Писания бо многа но не вся божествена суть», повторенные в XVI в. его учеником Артемием с прямым предостережением против «писаний» «от еретиков ложно сложенных на соблазн людям».¹¹⁸ В XVI в. «неполезные повести» исчезают из «четьих» сборников; одновременно происходит другой, не менее важный процесс — формирование больших литературных компиляций, своеобразных кодексов литературы, не вызывающей возражения с точки зрения господствующей религиозно-феодалной идеологии. Наиболее важным из этих кодексов были Макарьевские четьи-минеи, состоявшие не только из житий святых, но и из самых разнообразных, идеологически безупречных, с иосифлянской точки зрения, сочинений. Создаются и официозные исторические компиляции — Хронограф 1512 г. (также, по-видимому, связанный с иосифлянскими кругами), Степенная книга, Лицевой летописный свод середины XVI в.

Официальная идеология Русского государства и православной церкви XVI в. не отрицала всякой светской литературы, она отвергала лишь «неполезные повести». Это обстоятельство с достаточной ясностью обнаруживается из высказываний одного из виднейших «обличителей ереси» XVI в. Зиновия Отенского. Защищаясь против утверждения (действительного или мнимого) Феодосия Косого, что сочинения «обличителей», в частности «Просветитель» Иосифа Волоцкого, «законoprеступны», ибо после седьмого вселенского собора VIII в. христианам не следует писать новых книг, Зиновий писал: «И по Косого суесловию, после седмаго собора не подобает писати и летописных книг, и царских памятописных книг, и уставных царских, иже направляют на благожизние царствия по странам. И аще сия упразднити хоцет, что сего несмысленее будет?».¹¹⁹

¹¹⁷ О подобных выступлениях в западнославянских странах см прим. 88. В Западной Руси против чтения «Александрии» и «Трои» выступал Ф. Скорина в предисловии к своему изданию Библии (П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. — ОЛДП, вып. ХС. СПб., 1888, стр. 116).

¹¹⁸ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения XIV—начала XVI в., стр. 358. Это поучение заимствовано Иосифом Волоцким у византийского «отца церкви» Василия Кесарийского (Творения Василия Великого, ч. V. Троице-Сергиева лавра, 1901, стр. 43). Ср.: Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в., стр. 310—311, 320—321.

¹¹⁹ Истины показание к вопросившим о новом учении, стр. 930—931.